

Весь следующий день Шэнь Юй сохранял внешнее спокойствие, но в душе не терял бдительности.

К счастью, «Шэнь Сяо Мао» пока не раскрыли. Тот мимолётный взгляд Шао Линъюня, скорее всего, предназначался Чэнь Мэйли. После этого «молодой господин» больше не удостоил соседа ни единым взглядом.

Вот что значит ключевой персонаж романа: даже в юности, едва появившись, он мгновенно закрутил вокруг себя вихрь событий. Из-за Шао Линъюня между главными героями сегодня снова вспыхнула искра раздора.

Юнь Байя, прикрываясь волей отца, вызвалась «присматривать» за Шао Линъюнем. Её ласковое «братик Шао» заставило «братца Цзяхуэя» буквально задыхаться от ревности.

Сяо Цзяхуэй злился, Юнь Байя разрывалась между двумя огнями, Мэн Юнь тщетно пыталась всех помирить, Шао Линъюнь отвечал ледяным безразличием, а Лю Миньюй пользовалась моментом, чтобы вклиниться в их компанию. Маленькая группа, а страсти кипели шекспировские.

Скоро должна была появиться Чжоу Сыци, и тогда в этот водоворот затянет ещё больше народу.

Подросток лишь презрительно фыркнул про себя. Глупая молодёжь. Не понимают они, что почём. Любовь любовью, а деньги и диплом престижного вуза куда важнее.

Пусть себе влюбляются. Но вечные метания, недомолвки, муки ревности... В итоге, кроме главных героев и пары-тройки везучих счастливиц, все остальные станут лишь удобрием для этого сюжета.

Впрочем, его это не касалось. В классе более пятидесяти человек; не могут же все поголовно стать «пушечным мясом». Всегда должны быть случайные прохожие, декорации в лице студентов А, Б и В.

Его краткосрочная цель была проста: максимально сократить своё присутствие в сюжете. Превратиться из «пушечного мяса» в «безымянного статиста №N» и вместе с подружкой по парте налечь на учёбу.

Как он и предсказывал, вскоре в классе появилась Чжоу Сыци. Заметив, что Шао Линъюнь сидит один, она так и просияла. Девушка тут же, не стесняясь, потребовала у учителя посадить её к нему, совершенно не скрывая своего интереса к юноше.

Лицо классного руководителя едва не перекосило. Шэнь Юй тоже был поражён. На дворе восьмидесятые; пусть политика реформ и открытости уже началась, мысли большинства людей оставались консервативными. Подобная прямолинейность была редкостью.

Шао Линъюнь с нескрываемым отвращением отказал. Учитель тоже не поддержал инициативу, приведя вполне разумный аргумент: разница в росте. Рост Чжоу Сыци едва достигал полутора метров, в то время как Линъюнь перемахнул за метр восемьдесят. Сидя на задней парте за его широкой спиной, она бы просто не увидела доску.

В итоге Сыци нехотя согласилась на другое место. Поскольку количество мальчиков и девочек в классе было чётным, по логике следовало бы разлучить Шэнь Юя с Чэнь Мэйли — тогда все пары в классе стали бы однополыми.

Однако классный руководитель, бросив взгляд в конец кабинета, передумал. Пока остальные ученики жадно следили за разборками, юноша и Мэйли уткнулись в учебники.

Это правило Шэнь Юй установил для себя сам: сплетничать можно, отдыхать можно, но во время уроков — только учёба. Сцена с местами затянулась, и он решил не тратить время на пустые гляделки.

Чэнь Мэйли просто брала с него пример. Видя, как усердно занимается сосед, она боялась отстать и потерять место за одной партой, поэтому тоже вгрызлась в гранит науки.

Педагог, оценив их рвение, решил не мешать. Было очевидно, что эти двое взялись за ум, и их оценки пошли в гору. Сажать их к таким беспокойным натурам, как Шао Линъюнь или Чжоу Сыци, значило лишь вредить их «старательности».

В конце концов учитель провёл небольшую перестановку. Шэнь Юй не слишком вникал в детали, но, кажется, Юнь Байя сама вызвалась сесть с Чжоу Сыци. Поскольку Сыци всё равно смотрела на остальных свысока, их так и оставили.

На перемене Шэнь Юй огляделся. Юнь Байя и Чжоу Сыци теперь сидели вместе, Сяо Цзяхуэй делил парту с Шао Линъюнем. Ещё одну смешанную пару составили парень и девушка, оказавшиеся дальними родственниками.

Их рассадка теперь напоминала причудливую схему. Шэнь Юй и Мэйли занимали самый дальний угол у входа, причём юноша сидел со стороны прохода. Напротив них, в другом углу, расположились Цзяхуэй и Линъюнь. А Байя и Сыци сидели в среднем ряду, чуть впереди. Эти три парты образовали идеальный треугольник.

Шэнь Юй мысленно усмехнулся.

«Истинное место силы для любителя понаблюдать за чужими драмами»

До двадцать восьмого числа — дня рождения Шэнь Юя — жизнь текла относительно мирно.

Говорили, отец Чэнь Мэйли собирался попросить женсовет фабрики «поговорить» с Лян Фэнся и помочь Шэнь Юю, но Мэйли решительно пресекла эту попытку, велев отцу не вмешиваться.

Поскольку Шэнь Юй больше не жил в доме Сяо и не пересекался с семьёй, поводов для конфликтов не возникало. Даже Сяо Цзяхуэй, которого он видел ежедневно, был настолько поглощён любовными интригами, что ему было не до сводного брата.

Классный руководитель, правда, вызывал его на разговор. До него дошли слухи, что Шэнь Юя выставили за дверь, и он интересовался планами юноши.

Шэнь Юй ответил, что от отца у него осталось двадцать юаней. Этих денег должно было хватить, чтобы оплатить дешёвую комнату и доучиться этот семестр. На каникулах он планировал подработать, к тому же отправил письмо в родную деревню — возможно, родственники смогут чем-то помочь.

Видя, что парень рассуждает здраво и имеет чёткий план, учитель с облегчением выдохнул. Если он может постоять за себя, то даже без высшего образования не пропадёт.

Разумеется, были и хорошие новости.

Семья Сяо Дуна годами жила впроголодь, из-за чего мальчик и бросил школу. Теперь же, когда Шэнь Юй предложил им способ заработка, они взялись за дело со всем рвением.

Изготовление резинок — работа не самая сложная, особенно базовых моделей. Сяо Дун оказался парнем рукастым, а его сестра Сяо Ся — ещё более ловкой.

Как только Шэнь Юй закупил резинки и притащил мешок лоскутов от Чэнь Мэйли, добавив нитки и иголки, работа закипела. Перед этим Сяо Дун долго тренировался и показывал результат юноше, боясь испортить материал.

Бабушка и Сяо Ся были на подхвате: сортировали и подрезали ткань, помогали с более сложными вариантами. Сяо Ся была мастерицей, но из-за маленького роста не доставала до педали швейной машинки. У бабушки подводило зрение. Поэтому основная нагрузка легла на Сяо Дуна.

Пусть он был не так быстр, зато времени у него было в избытке. Ради денег мальчик был готов просидеть за машинкой весь день, отвлекаясь лишь на сон и еду. Только после настойчивых напоминаний Шэнь Юя он стал делать перерывы, чтобы размяться.

В таком темпе они выдавали по сто штук в день. За два дня накопилось почти три сотни.

Бабушка Сяо Дуна предлагала сделать паузу и пойти продавать, боясь, что товар залежится — ведь это были деньги, взятые в долг у Шэнь Юя. Но внук упрямо проработал ещё день, пока не набралось пятьсот штук.

Он своими глазами видел, какой ажиотаж вызвал товар Шэнь Юя, и помнил предупреждение: нужно спешить, скоро появятся конкуренты.

В семье, кроме него, заниматься этим было некому, а отпускать бабушку и сестру одних на рынок он не решался. Уйти — значит остановить производство. Поэтому он решил накопить побольше за один раз.

Пятьсот штук стали пределом его нервной выдержки. Он боялся, что не сможет всё продать, боялся долгов перед Шэнь Юем. Но об этих страхах юный глава семьи помалкивал. Перед близкими он держался уверенно, свято веря, что сможет обеспечить им достойную жизнь.

Набрав нужный объём, он ещё раз проконсультировался с Шэнь Юем по всем спорным вопросам. Тот охотно делился опытом, что немного успокоило Сяо Дуна.

В воскресенье, когда подросток отправился торговать, бабушка провожала внуков долгим взглядом, в котором мешались тревога и радость: дети выросли, теперь в доме есть опора.

Шэнь Юй тоже вышел рано. У него были свои дела: сегодня был его день рождения.

Никто об этом не знал, никто не готовил подарков, но он всё равно считал этот день особенным. Он мог ненавидеть своё происхождение и безалаберных родителей, но всё же был благодарен матери за жизнь.

Сегодня всё должно было измениться. Он официально разрывал связь с семьёй Сяо.

То ли таинственный бог переселения решил его вознаградить, то ли просто повезло, но процедура смены прописки прошла на удивление гладко и быстро. Если не считать небольшого инцидента в конце, который, впрочем, Шэнь Юй предвидел.

Когда он пришёл к дому Сяо, то услышал жалобы старухи Сяо: та была уверена, что он не посмеет явиться. Сяо Цзясинь поддакивала, не переставая осыпать его проклятиями.

Она ненавидела Шэнь Юя лютой ненавистью. Подумаешь, взяла его новый рюкзак! Вещь принадлежала семье Сяо, значит, и ей тоже. С какой стати этот приёмш должен владеть чем-то подобным?

Но из-за того, что Шэнь Юй наговорил тогда вечером, по школе пошли слухи. Одноклассники, недолголюбивавшие Цзясинь, дразнили её воровкой. Разъярённая девушка даже ввязалась в драку, которую с треском проиграла.

Семья как раз обсуждала, где искать беглеца, когда Шэнь Юй переступил порог.

Лица домочадцев стояли того, чтобы их увидеть. Они искренне верили, что он струсит. Старик Сяо догадывался, что у парня есть зачка от отца, к тому же он вытянул два юаня у Лян Фэнся — на первое время хватит. Но что потом? Как вчерашний школьник собрался выживать один?

Однако юноша пришёл. Оправившись от изумления, старик Сяо оборвал поток ругательств жены и внучки. Он молча взял документы и велел Сяо Цзяньшэ и Лян Фэнся собираться в участок.

Из-за Шэнь Юя репутация семьи была безнадежно испорчена. Последние дни соседи так и кололи их глазами, шепчась о жестокости Сяо. Старик Сяо, дороживший своим добрым именем, лишний раз боялся выйти на улицу.

Он даже колебался: может, не стоит его выписывать? Столько лет растили... Но домашние были неумолимы. Сяо Цзяньшэ на заводе уже вызывали к руководству, намекая, что нужно уметь ладить с близкими и быть великодушным. Для него, привыкшего к почёту, это было как пощёчина.

Вернувшись домой, Цзяньшэ устроил Лян Фэнся грандиозный скандал. Она тоже чувствовала себя глубоко несчастной. Коллеги на фабрике открыто презирали её, называя бессердечной матерью, которая жалеет куска хлеба для собственного сына.

Раньше ей сочувствовали, считая роль мачехи неблагоприятной. Лян Фэнся не упускала случая пожаловаться на аппетиты детей и дороговизну жизни. Она громко рассказывала, как покупает им сладости и одежду, выставляя себя образцовой матерью.

Теперь всё это обернулось против неё. Коллеги вспомнили, что Шэнь Юю никогда не покупали обновок. А если он ходил вечно голодным, значит, все деликатесы доставались другим. Сочувствие сменилось яростью обманутых людей.

В итоге женщина оказалась в изоляции. Бойкот коллег душил её, а дома Сяо Цзяньшэ только и делал, что попрекал её сыном.

«Это ведь ты согласился его принять! — кричало всё внутри матери. — Если бы ты не разрешил, разве я, вторая жена, посмела бы забрать его у семьи Шэнь?!»

Но вслух она не смела проронить ни слова. Всю горечь приходилось глотать молча, а всю вину она возложила на Шэнь Юя. Она проклинала тот день, когда привезла его в город.

Её первый брак в деревне сильно осложнил ей жизнь при возвращении. В родительском доме ей не было места: она делила узкую кровать с двумя племянницами под вечные упрёки

невестки. Ей нужно было срочно выйти замуж, и Сяо Цзяньшэ оказался лучшим вариантом.

Но у Сяо уже были взрослые дети, которые никогда бы её не полюбили. Сначала она хотела завоевать влияние в доме через мужа, но быстро поняла, что в семье Сяо он не главный. Боясь остаться без опоры в старости, она уговорила Цзяньшэ забрать сына от первого брака.

А вскоре выяснилось, что она беременна. После рождения Сяо Цзяяо старший сын стал лишь помехой и лишним ртом.

Теперь Лян Фэнся была убеждена: Шэнь Юй — маленькое чудовище, рождённое ей на погибель. Чем скорее он исчезнет из её жизни, тем лучше. А если он не сможет прокормиться и приползёт обратно — она просто захлопнет дверь.

Поскольку все стороны были согласны, оформление документов в отделении полиции не заняло много времени. Сотрудник, просматривая данные, бросал странные взгляды на семью: в домовой книге среди Сяо числился лишь один Шэнь.

«Пришёл выписаться в день своего восемнадцатилетия... Видно, припёрло парня», — полицейский невольно проникся к юноше сочувствием.

Когда всё было закончено и Шэнь Юй получил на руки свою личную домовую книгу, Лян Фэнся процедила сквозь зубы:

— Я растила тебя восемнадцать лет. Не жду благодарности, но хотя бы больше не вреди мне. Убирайся в свою деревню и глаза мои чтобы тебя не видели.

Присутствующие так и замерли. «Это действительно говорит мать?»

Шэнь Юй оставался совершенно спокоен. Он решил расставить все точки над «i» прямо здесь, при свидетелях.

— До одиннадцати лет меня кормил отец. Ты в деревне никогда не работала в поле, даже по дому ничего делать не хотела. Все трудодни зарабатывал папа.

Лян Фэнся покраснела под презрительными взглядами. В те времена лень считалась позором, и она стала живой иллюстрацией этого порока.

— Но последние семь лет тебя кормила я! — выкрикнула она в ярости. — Или скажешь, что и тут твой отец приплачивал?

Старик Сяо нахмурился и зыркнул на сына. Сяо Цзяньшэ тут же схватил жену за руку.

— Ладно тебе, — примирительно сказал он. — Ты же мать, зачем с ним спорить? Если он не помнит ни тепла, ни заботы, считай, что растили зря.

Подросток едва не рассмеялся. Даже сейчас они пытались выставить его неблагодарным.

— Кто сказал, что я не помню? — заговорил он. — Я помню, как тяжело маме было меня рожать. Поэтому, когда она сказала, что в семье Сяо её обижают и ей одиноко, я, не раздумывая, согласился поехать с ней. Я бросил дедушку, бабушку, отца и братьев, чтобы приехать в этот чужой город.

— Семь лет я прожил в вашем доме. Из-за того, что Сяо Цзяхуэй с порога обозвал меня маленьким нищим, я семь лет спал на досках под самым потолком.

— Семь лет я не видел новой одежды. Семь лет не ел досыта даже кукурузной каши — мне давали по полмиски, говоря, что я ещё маленький и много мне не положено.

Его голос звучал неестественно ровно, но от этой монотонности окружающим становилось не по себе. Семья Сяо пришла нарядной, а Шэнь Юй стоял в своём рваном ватнике, из которого клочьями лезла серая вата.

— Я понимаю, что я вам чужой. Но государство каждый месяц выделяло на меня по десять-двенадцать килограммов зерна. Я никогда их не видел. Мне доставалось от силы пять-шесть килограммов самой грубой крупы.

— Мама... Я всё ещё зову тебя мамой. Ты получаешь по пятьдесят-шестьдесят юаней в месяц. Твоей зарплаты за один месяц хватило бы мне на годы жизни. Ты покупала младшему сыну молоко и сладости, почему же тебе было жалко куска хлеба для меня? Почему я чуть не умер от голода в твоём доме?!

В отделении воцарилась гробовая тишина. Наконец кто-то прошептал:

— Невероятно... Разве бывают такие матери?

— Похоже, бывают... Они ведь даже внешне похожи.

— Ну и семейка, — донёсся чей-то голос. — Нужно будет обязательно рассказать об этом знакомым...

Лицо старика Сяо стало землистым. Он пытался прервать Шэнь Юя, но безуспешно. Что он мог сделать? Зажать ему рот? Это лишь подтвердило бы их вину. Единственным утешением было то, что основной удар пришёлся по Лян Фэнся.

— Сяо Юй...

— Вам нечего мне сказать, — отрезал юноша, горько улыбнувшись. — Раз уж мы здесь, давайте закончим всё раз и навсегда.

Он перевёл взгляд на Сяо Цзяньшэ:

— Дядя Сяо, вы сказали, что я не помню доброты. Ошибаетесь. Мама дала мне жизнь, и за эти семь лет я, по крайней мере, не умер с голоду. Я ценю это.

Затем он снова обратился к матери:

— Вы переживали, что в старости Цзяхуэй не станет о вас заботиться. Поэтому и привезли меня. Что ж, я не отказываюсь. Я буду платить вам алименты: не меньше двадцати пяти килограммов зерна в месяц. Могу даже давать деньги на личные расходы. Если не верите — давайте составим соглашение прямо сейчас.

Лян Фэнся замерла. Такая выгода? Она уже не надеялась ничего получить от этого «отродья», но если он будет присылать из деревни зерно и деньги — это совсем другое дело.

— Деньги... и сколько ты дашь? — жадно спросила она.

Шэнь Юй прищурился:

— А сколько бы вы хотели?

— Двадцать... нет, тридцать юаней? — осторожно предложила она.

В зале тут же поднялся шум. «Бесстыдница! Молодой учитель получает всего тридцать с лишним в месяц! Она хочет забирать у парня всю зарплату, да ещё и зерно требовать?! Она просто не даёт ему шанса выжить!»

Лян Фэнся густо покраснела и поспешно поправилась:

— Я имела в виду в год! Тридцать юаней в год...

Хотя в душе она уже жалела, что не попросила больше.

Шэнь Юй едва сдерживал торжествующую улыбку. Он намеренно завёл этот разговор в полиции, чтобы зафиксировать всё на бумаге. По правде говоря, он не хотел давать ей ни копейки, но по закону и совести он был обязан заботиться о матери. И если сейчас он не

заключит этот договор, в будущем, когда он разбогатеет, Лян Фэнся обязательно явится требовать свою долю, и общественное мнение будет на её стороне.

Лучше договориться сейчас. Алименты в виде зерна стоили копейки, а фиксированная сумма в пятьдесят юаней в год при грядущей инфляции скоро превратится в пыль.

— Тридцать... — протянул он. — Давайте я буду платить вам пятьдесят.

Лян Фэнся так и просияла:

— Правда?

Даже Сяо Цзяньшэ и старик Сяо перестали торопиться. Бесплатные деньги сами шли в руки. Если получится их забрать — прекрасно, если нет — это станет рычагом давления на парня.

— Конечно. Могу ли я лгать в присутствии товарищей полицейских? — Шэнь Юй кивнул сотруднику. — Если не верите, я напишу расписку.

— Пиши, пиши! — Фэнся бросилась искать бумагу, не обращая внимания на презрительные взгляды.

Юноша отказался брать ручку.

— Пишите вы. У меня почерк неважный. Вы напишете, а я подпишу и поставлю отпечаток пальца.

Фэнся училась в школе и писать умела. Она даже обрадовалась: сама напишет — надёжнее будет.

— Диктуй.

Шэнь Юй, который при смене прописки уже вернул себе изначальное имя, начал:

— «Настоящим Лян Фэнся и Шэнь Юй договариваются, что по достижении Лян Фэнся пятидесяти лет...»

— погоди! Почему пятидесяти? — возмутилась она.

Шэнь Юй спокойно пояснил:

— Это установленный законом пенсионный возраст для женщин. Алименты платят по старости. Пока вы работаете, вы не нуждаетесь в моей помощи. К тому же, если я начну платить вам сейчас, все подумают, что вы уже немощная старуха и не справляетесь со своими обязанностями.

— Кто это не справляется?! — всполошилась Фэнся. Она боялась потерять работу.

— Можем написать «после выхода на пенсию», — предложил юноша.

— Нет уж, пусть будет пятьдесят, — решила она и быстро записала дату.

Она знала, что её муж работает и после шестидесяти — чем больше стаж, тем выше зарплата. Она не собиралась рано выходить на покой, как старухи, у которых в карманах ни гроша.

Затем она зафиксировала сумму: двадцать пять килограммов отборного зерна в месяц и пятьдесят юаней в год. Шэнь Юй настоял, чтобы деньги выплачивались в день её рождения.

И главное условие: кроме этого, они не обязаны поддерживать никакой связи.

«Мне восемнадцать — ты гонишь меня прочь. Тебе пятьдесят — я даю тебе деньги. Всё честно».

Лян Фэнся было тридцать семь. До выплат оставалось тринадцать лет — почти целая вечность, начало нового века.

Закончив писать, Шэнь Юй как бы невзначай пробормотал:

— Эх, лишь бы моя будущая жена согласилась на это...

Лян Фэнся тут же насторожилась. Действительно, женится этот сопляк, жена примется нашептывать ему на ухо, и он передумает.

— А если ты потом откажешься платить? — подозрительно спросила она.

— Я никогда не нарушу слова!

— Не верю. Мне нужны гарантии.

Шэнь Юй изобразил праведный гнев и громко произнёс:

— Хорошо! Если я нарушу этот договор, пусть я никогда не смогу жениться и у меня не будет детей!

Клятва была страшной. Присутствующие сочувственно зашептались: парень молод, горяч, его легко спровоцировать.

Лян Фэнся торжествующе улыбнулась и вписала: «Если Шэнь Юй нарушит условия, он останется без семьи и потомства».

— Да ты просто чудовище! — не выдержала одна из женщин в очереди. — Собственному сыну желаешь такой судьбы!

Остальные тоже зашумели, выражая презрение.

— Моё дело! Не лезьте не в свои дела! — огрызнулась Фэнся.

Юноша холодно усмехнулся:

— Теперь ты. Если ты передумаешь и потребуешь больше денег или заставишь меня содержать семью моего брата... как тогда? Мне тоже нужны гарантии.

— Я не передумаю!

— Я тоже не верю. Дай мне гарантию.

— Справедливо, парень ведь поклялся, — поддержали из толпы.

Лян Фэнся замаялась:

— Какую ещё гарантию?

Шэнь Юй с лицом человека, чьё сердце разбито вдребезги, процедил:

— Если я нарушу слово — я останусь бездетным. Если ты нарушишь — пусть твой любимый сын, Сяо Цзяяо, останется без потомства!

Лян Фэнся могла быть жестока к первенцу, но младшего она обожала больше жизни.

— Да как ты смеешь! — взвилась она. Старик Сяо и Сяо Цзяньшэ тоже возмутились: Цзяяо был продолжателем их рода.

Слова звучали резко, но Шэнь Юй лишь пожал плечами:

— А что такого? Если ты не собираешься нарушать договор, то эти слова никогда не вступят в силу.

Конечно, магические клятвы вряд ли имели юридическую силу, но для суеверной Лян Фэнся это был мощный сдерживающий фактор. Она не хотела подписывать, но перспектива гарантированных денег в старости манила её слишком сильно. Пошептавшись с мрачным мужем, она всё же решилась.

Она вписала требуемую фразу. Эта бумажка вряд ли бы помогла в суде, но в их кругах она весила больше любого закона.

Как только всё было готово, Лян Фэнся, кипя от злости, потребовала, чтобы Шэнь Юй немедленно подписал.

Юноша замер с отсутствующим видом. Полицейский, сочувствуя ему, прикрикнул на семейку:

— Тише вы! Устроили тут балаган! Заканчивайте быстрее и убирайтесь, не то задержу за нарушение порядка!

Полицейские только и ждали, когда эта одиозная компания уйдёт. Им было жаль парня, и они надеялись, что он всё-таки не подпишет это кабальное соглашение.

Шэнь Юй опустил голову, резко вытер лицо рукавом и всхлипнул:

— Я всё понял. Я подпишу. Даже если я умру, условия не изменятся.

Он быстро поставил подпись и прижал большой палец к подушечке с чернилами. Затем, печально улыбнувшись полицейским, произнёс:

— Товарищи, прошу вас, будьте свидетелями. Раз мама так решила, после этого я ей больше ничего не должен.

Слова прозвучали так, будто он втайне мечтал заботиться о ней гораздо лучше. Какое преданное дитя!

Поддавшись моменту, он заставил Лян Фэнся добавить: «За исключением вышеуказанных условий, Шэнь Юй освобождается от любых иных обязательств по содержанию Лян Фэнся».

Ей было всё равно. Она не рассчитывала на этого сына, и любые деньги от него были для неё

приятным бонусом.

По просьбе юноши полицейские и несколько свидетелей из очереди поставили свои подписи под документом, указав места работы. Это придавало соглашению вес.

Он сделал несколько копий на служебном аппарате. Одну забрала торжествующая Лян Фэнся, другие остались у него и свидетелей.

Как только бумага оказалась у неё в руках, Лян Фэнся поспешила скрыться, пока её не утопили в презрении разгневанные очевидцы.

Юноша остался в отделении, принимая сочувственные похлопывания по плечу. Даже когда он не мог сдержать улыбку, люди думали, что это лишь маска, скрывающая невыносимую боль.

«Бедный ребёнок... Ну и мегера его мать».

Когда он наконец вышел на улицу, был уже полдень. Небо, долго хмурившееся, внезапно прояснилось, и выглянуло солнце.

Шэнь Юй замер в лучах нежного зимнего тепла. Он поднял голову навстречу свету, и на его лице расцвела широкая, искренняя улыбка.

Новая жизнь начиналась прямо сейчас!

<http://bllate.org/book/15805/1435280>